

«Добрая воля» —
специальная рубрика
журнала «Фома» для тех,
кто находится в местах
заключения

Виктор Бендеров:

«Никто из моих друзей не может умереть,

или Кого я встретил в колонии
для несовершеннолетних»

Виктор Бендеров — петербургский художник, иконописец. Уже 17 лет он посещает Колпинскую колонию для несовершеннолетних. Там, в художественной студии при храме, он занимается с детьми рисунком, музыкой, ставит спектакли. А еще — много разговаривает с ними. О жизни, искусстве, Боге. Виктор Константинович рассказал «Фоме» о детях, которых встретил в колонии, и о тех, которые уже после освобождения приходят к нему, чтобы поделиться своей радостью или болью.

Наш друг — Николай Васильевич Гоголь

Удивительную мысль мы с ребятами нашли у Гоголя. Он как бы мимоходом пишет Аксакову: «У меня не существует разлуки... И по этой же причине никто из моих друзей не может умереть, потому что он вечно живет со мной». И эту мысль мы тоже «вмонтировали» в спектакль. И конечно, наши герои, среди которых Геракл, Персей и другие, рассказали, как им видится сражение за своих друзей.

Рисуем картинку на эту же тему: схематичный портрет Гоголя с кошкой в руках и надпись — та самая, о победе над смертью. Кошка — это чтобы чрезмерно не драматизировать. Притом оба — она и писатель — улыбаются. Цвет радостный. Я сам счастлив был нарисовать серию таких картинок, которыми порадовал многих своих друзей. Одну из них, к моей огромной радости, священник держит в алтаре. Поэтому и моим новым друзьям не могу отказать в удовольствии нарисовать такое здесь, в колонии.

Такая картинка — очень хороший подарок, на наш взгляд. Мы планируем нарисовать серию, чтобы можно было положить в конверт — бабушке, например, или маме.

Это гоголевское выражение — одно из ярчайших свидетельств о победе над смертью. И тем радостней после этого слышать, когда один из моих новых друзей, Дима, говорит: «Мой дедушка умер, когда мне был один годик, а я чувствую, что он сейчас со мной!»

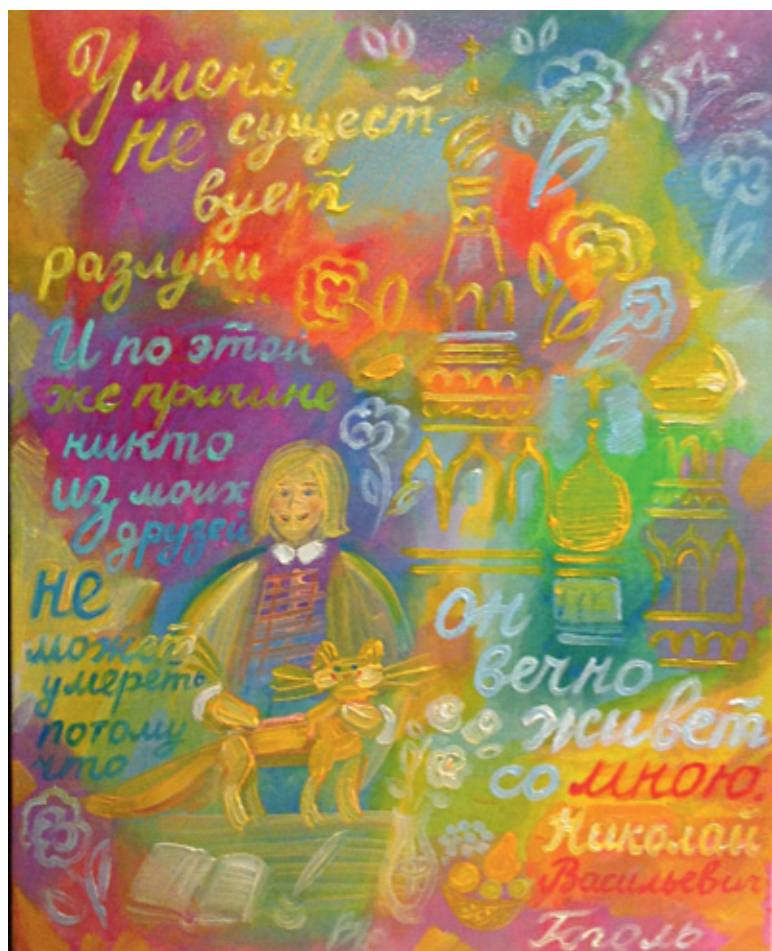
А какое счастье слышать от Жени, автора этой картинки с Гоголем и кошкой: «Мой папа, Царство ему Небесное, предстал Богу, когда мне было 7 лет». Не «умер», не «скончался»! Предстал Богу! Женечка ясно помнит время, когда он лежал между папой и мамой и они читали Андерсена. И теперь мы встретились в этой колонии для того, чтобы он понял радость и счастье жить со Христом, совоскрешать со Христом своего папочку — для кого-то «умершего».

Юрик

«А что нужно делать, чтобы вот так же живым взяли на небо?»

Такой вопрос мне задал еще один наш друг, Юра — художник, актер, певец, гитарист (во всем начинающий, но дерзновенный, как мы видим). Это после моего рассказа про Еноха. Они максималисты, наши новые друзья, и это прекрасно! Юрочка у нас играл Тесея.

Тесей в нашей версии стал царем, но не может резвиться и веселиться, забыв погибшего отца. Его вопль к небу: «Господи, да будут все воедино!» И в ответ на него со стороны алтаря (спектакли проходят в трапезной, примыкающей к храму) выходят «капитаны Новой эры» и приглашают его на «Новый Аргон» — корабль героев, сражающихся за соединение всех в Любви и преображение мира.

▲ Уже 17 лет
Виктор Константинович
ходит этой
дорогой.
Фото Алексея
Олдина

▲ Гоголь.
Рисунок Виктора
Бендерова

Начало

Мы начали ездить в Колпинскую воспитательную колонию в 2001 году, когда настоятель нашего храма отец Александр Степанов стал еще и настоятелем расположенного здесь храма Иоанна Воина. Я сначала писал иконы для этого храма, а потом мы решили организовать при нем изостудию. Теперь мы не только рисуем — играем на гитаре, а иногда и на пианино, пишем стихи, ставим спектакли...

Для нас воспитанник колонии — это ребенок, попавший в беду.

Фото Вячеслава Боброва

Сергей Владимирович

А вот одна из наших «легенд» — Сережа (теперь Сергей Владимирович). Закончил институт, инженер. Прихожанин нашего храма святой Анастасии Узорешительницы в Петербурге, на Васильевском острове. Отец четверых детей. Мой близкий друг. Его младшая дочь — Настя (в честь нашей святой). Я счастлив, что имею честь быть крестным его сына и даже племянника. Семнадцать лет назад он пришел к нам в студию, не будучи (мягко говоря) особенно искусственным в тонкостях духовной жизни.

Начали с простейшего. Сначала он нарисовал... уточку. У нас установка: каждый выбирает себе планку по силам. Начали рисовать пастелью на цветной бумаге. Но уточка уточкой, а я тогда уже вовсю писал иконы и, конечно, не мог об этом не говорить, причем с упоением.

Я никогда не «задавал» никому писать икону, но не считаю себя вправе запрещать, если кто-то чувствует вдохновение и внутренний призыв к этому. Сережа, например, нарисовал пастелью несколько фрагментов икон. Это были лики Спасителя и Богородицы. Вспоминая их сейчас, вижу их очень убедительными и выразительными, тем более что человек рисовал их, не имея особой технической подготовки. Но вдохновение и решимость его были поразительными. И, конечно, то, что он пережил, предстоя ликам святых, не оценимо.

А для меня бесценно видеть его с детьми и с женой. Вот человек, который с Божьей помощью «сделал себя» и продолжает совер-

шенствовать эту икону своей души. Помимо творчества по устройению себя и своей семьи, Сережа активно общается, дружит (не хочется говорить «занимается воспитанием») с нашей молодежью — прихожанами нашего храма святой Анастасии и их друзьями. Ездит с ними в походы, организует всевозможные праздники и активно в них участвует. И конечно, у него всем (и мне в первую очередь) есть чему поучиться.

Мы вместе 17 лет, много пережито, мы молились и молимся о наших близких, хоронили (от слова «сохранить») некоторых из них, дружили и дружим семьями. Название нашей студии при храме в колонии — «Вифлеем».

Это символично. Христос рождается там, где не подобает родиться человеку. Но рождается.

Сережа переехал сначала из Волхова в Петербург, а последний переезд совершил «на Ваську» — наш храм святой Анастасии находится на Васильевском острове, и он с семьей теперь живет в 10 минутах от нас. Мудрый, деловой человек — что тут еще скажешь!

Есть у нас еще один друг, Валера. Он дважды побывал в Колпинской колонии, а потом «отдыхал» еще и в «Обухово», во «взрослой». Когда я познакомил их с Сережей, Валера был потрясен: «Я первый раз увидел человека, который исправился!»

Они действительно ходят, эти наши друзья — Валеры, Леши, Саши, — как Диоген, с фонарем в руке, ища человека. Настоящего человека.

Действительно, человек может измениться, только если «увидит свет вечной жизни на лице другого человека».

▲ **Воспитанники получают на каждом занятии интересные задания.**

Фото Алексея Олдина

► **Работы Виктора Бендерова: икона Спасителя и картина «Храм Воскресения»**

Мишенька

Мишенька, — наш юный 17-летний друг поведал нам: «То, что Рождество — это Рождество Христово, я узнал только в тюрьме. Хотя праздновал, веселился — как умел — и кушал тортики».

Это удивительно! Почему человеку, живущему не в Занзибаре, не «в Калахари и в Сахаре» — в России (!), нужно сесть в тюрьму, чтобы узнать о Рождестве Христовом?

«С причала рыбачил апостол Андрей»

Не все так уж особенно стремились рисовать в нашей колонии. Володе больше хотелось играть на гитаре. Он ждал меня у двери храма с двумя настроенными инструментами. Пока все разбирали краски и усаживались рисовать, мы «улаживали» слух живописцев скромным дуэтом. В нашем репертуаре было единственное произведение: «Прогулки по воде» Вячеслава Бутусова.

Причем Володя играл более сложную партию соло, а мне он мог доверить только партию ритм-гитары. Я просто перебирал аккорды, как умел. Мы оба были счастливы. Я и теперь счастлив и умножаю свое счастье, а вот Володя — не знаю. Через полгода после освобождения он пришел ко мне в мастерскую и сказал:

— Знаешь, я эти полгода делал что хотел. Но лучшее в моей жизни — это наши встречи в храме.

Больше он не приходил. А мне вспоминаются слова Высоцкого: «Крутые скользкие края имеет эта колея». Среда, в которую выходят наши друзья, эта «колея», так просто не отпускает... Впрочем, я это все воспринимаю по-гоголевски и уверен, что Володя никогда наши встречи не забудет.

А эту песню, кстати, мы теперь поем под гитару, и она самая любимая в нашей компании. Мы только отредактировали ее немножко. Это просто необходимо было! Надеемся, что автор не будет на нас в обиде. Я лично был бы доволен, если бы доработали мое произведение. У нас Спаситель не топает «по водной глади ногой» и не обзывает Андрея «дураком» — это совершенно не в Его духе. После слов апостола: «Объясни дураку!» музыка останавливается, и солист (всегда с огромным удовольствием) говорит: «Улыбнулся Спаситель и нежно сказал: «Ты, Андрюша, пока не все понимаешь, но потом обязательно поймешь!» И все вместе и под гитару дважды поем припев: «Видишь, там, на горе...»

Другой Сережа

Этот Сережа нашел мои координаты через 10 лет после выхода из нашей колонии. Потом была еще «взрослая колония», какая-то история с наркотиками... Теперь он инвалид. Ездит в коляске. Живет в Ленобласти в инвалидном доме. Регулярно созваниваемся.

«Нас было 20 таких молодцов, как я, — говорит он. — В живых остался я один. Кто повесился, кто умер от передозировки...»

Вокруг Сережи сейчас в основном пожилые люди. Он среди них как апостол. Кому нужно пригласить батюшку, кого готовить ко крещению, кому посоветовать какое-то чтение — этим занимается Сережа. Недавно он ездил в Петербург на обследование. Звонит мне: «Может так случиться, что меня вылечат, а я не знаю, хорошо ли это? Смогу ли я здоровый так молиться?»

Порой наши разговоры кончаются так: «Простите, Виктор, бабушка кричит через стенку, я должен ехать к ней».

Сережа с благодарностью вспоминает: «С какой любовью батюшка служил литургию в колонии!» И вообще все вспоминают его, всех волонтеров, особенно Надежду Николаевну, куратора нашей программы. Она — всем мама. Блины на Масленицу, подарки на праздники, одежда к выходу «на волю», забота о трудоустройстве освободившихся — все это «ее рук дело».

Второй наш священник — тоже о. Александр, Панкратов, естественно, тоже всем памятен. Он у нас крестит. Исповедует тоже с огромной любовью и радостью. А ведь это первостепенно важно — с каким лицом тебя ждет священник к исповеди. Тем более что здесь исповедуют вещи неординарные. Это его формула: «Не надо отождествлять этих ребят и их преступления».

Платон

Наш общий с Сережей друг — Платон — уже предстал Богу. Цыган, певший в электричках (когда все нормальные дети сидят за партами). Так он и вырос — научился петь, но не научился писать. Как-то я его прошу: «Напиши свои размышления на такую-то тему, если не трудно. Ребятам будет интересно». А мы в ту пору уже не только живописью занимались. Многие писали стихи, и уже один спектакль поставили в клубе.

Через некоторое время Платон приносит листок, исписанный очень аккуратными и мелкими буквами. «Мама! — говорю. — Какой почерк-то у тебя красивый!» Вижу замешательство на лице. Между нами не принято врать. Выясняется, что это под его диктовку написал другой. Вот так он писал — как святой апостол Иоанн Богослов, диктующий своему ученику Прохору. Сережа вспоминает, что в какую бы компанию Платон ни заходил, все менялись — авторитетные, неавторитетные — все. Чувствовали, что пришел человек другого духа.

Когда он нарисовал пастелью икону Серафима Саровского, я изумился: пропорции головы к туловищу — 1 к 5. Огромная голова и маленькие ручки. Так рисуют пятилетние дети. Я тогда подумал: «Боже, какой же ты ребенок!»

«Досиживал» Платон во «взрослой» колонии в Металлострое. Был старостой храма. Пел в ансамбле. Много всего претерпел там этот «ребенок», выдавший виды и опытный в решении тюремных «вопросов». Вышел, пригласил меня в гости, приготовил макароны, накормил ужином. Тогда он снимал комнату. Но долго снимать жилье он не мог — не на что было. Потом жил при соседнем храме.

Сидел однажды с нами на спевке хора, размышлял, не присоединиться ли к нам. Гуляли с ним по набережной Невы. Подходим к стрельке Васильевского острова — показался шпиль Петропавловского собора. Он восклицает изумленно: «Это что такое? Консерватория?!» Платоша наш мечтал учиться музыке. ➔

А потом неожиданно для всех нас у него случился сердечный приступ. Мне он напомнил всегда мальчика из рассказа Достоевского, которого Христос взял к себе «на елку». И чуть ли не в этот же день незнакомая мне женщина заказала для какого-то своего племянника икону мученика Платона. Удивительно. Не такое уж и распространенное имя.

Юлий

Еще одна наша живая легенда — Юлий. Родители Юлия, люди эстетически утонченные, имя сыночку подобрали необычное. Папа учился некогда в Мухинском училище (Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А.Л. Штиглица с 1953 по 1994 год именовалась Ленинградским высшим художественно-промышленным учи-

Юлий здесь был один. Нам повезло. Мы могли говорить сколько угодно, и никто нас не отвлекал. Это было началом нашей дружбы. Теперь он уже около четырех лет живет в Москве, работает, присматривается, куда бы поступить учиться (рассматривает и семинарию как возможное место учебы), служит псаломщиком в храме, рисует очень чистые и глубокие, исполненные радости картинки и несколько раз в году приезжает в Петербург.

Мы постоянно на связи — в Сети, созваниваемся. Немного людей, с которыми на такой глубине, как с ним, мы можем обсудить различные острые вопросы. Вот сегодня он прислал мне автопортрет Ван Гога и его изречение: «Христос — единственный из философов, магов и т.д., кто утверждал как главную истину вечность жизни, бесконечность времени, небытие смерти, ясность духа и самопожерт-

▲ Храм мученика Иоанна Воина на территории колонии.
Фото Алексея Олдина

лищем имени В.И. Мухиной. — Ред.). С Юлием мы познакомились в карантине. Это место, куда прибывает человек из следственного изолятора. А еще есть «строгие условия», дисциплинарный изолятор (ДИЗО). Как говорил Николай Семенович Лесков, «для нашего брата здесь обители многи суть».

В это время в храме был ремонт, и я предавался свободным путешествиям по этим «тихим обителям».

творение как необходимое условие и оправдание существования. Он прожил чистую жизнь и был величайшим из художников, ибо пренебрег и мрамором, и глиной, и краской, а работал над живой плотью и духом».

Однажды он зашел ко мне со своим другом, московским иконописцем, у которого он учился и был подмастерьем. Николай этот чувствует себя в церкви как рыба в воде. Спрашиваю его:

▲ Чаепитие с учениками. Фото Алексея Олдина

— Как Вы относитесь к творчеству о. А. (известного московского священника)?

Николай отвечает:

— Мне трудно о. А. воспринимать как учителя. Я хипповал с ним в юности...

— А что Вы читаете?

— Вот, мне Юлий рекомендует...

Действительно, Юлий еще в колонии «заглатывал» книгу за книгой — Евангелие, Деяния и Послания апостолов, Псалтирь в маленькой книжечке были у него в нагрудном кармане. Наша встреча всегда начиналась с его вопросов. Он просто бурлил ими. Остальные затаив дыхание слушали наши обсуждения. Есть и сотрудники, которые вдохновлялись беседами с ним, а теперь вдохновляются воспоминаниями о нем. И постоянно интересуются его жизнью.

Однажды ему удалось приехать к нам в колонию из Москвы. Перед входом он неожиданно для меня достал из рюкзака подрясник, который ему благословили носить в храме, и зашел в учреждение в таком облачении. Сотрудники, знавшие его еще воспитанником, были потрясены.

О «ребятишках» наших и говорить нечего. Была устроена встреча. Наш друг, по-настоящему освободившийся, рассказывал и отвечал на вопросы. Сейчас уже нет таких в колонии, но год назад еще были «видевшие самого Юлия». И даже на них — «видевших» — смотрели с огромным уважением.

Теперь он сам с улыбкой вспоминает об этом своем подряснике и считает, что «погорячился». В следующий раз планирует посетить нас в «гражданском».

Удивительный эпизод его жизни рассказала мне его мама. Когда он пришел после освобождения в московский собор и попросился читать на службе, ему сначала отказали: «Сейчас люди не требуются». Но он сказал: «Не уйду, пока не возьмете». **Ф.**

Подготовила Елена Куршук

реклама

Палехский Иконостас
претворение земного в небесное

Иконостас храма
Иоанна Русского
г. Москва, 2016 г.

ИКОНОСТАСЫ
www.iconostas.ru

СТЕНОПИСЬ
8 493 342 28 91

ИКОНОПИСЬ
iconostas@inbox.ru